

ГЛАВА IV.

НАЧАЛО МОРСКИХЪ ПОХОДОВЪ.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ГАНГУДЪ.

(1712—1714 г.г.)

Сообразно общей идеѣ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, русская армія въ 1712 году раздѣлилась на три главныя группы:

1) армія фельдмаршала Шереметева въ Малороссіи наблюдала за Турціей; 2) Померанскій корпусъ назначался для нанесенія сильнаго удара шведамъ въ Помераніи и 3) Ингерманландскій корпусъ диверсіей къ сторонѣ Финляндіи долженъ былъ облегчить выполнение этого удара. Входя въ составъ рижскаго гарнизона, Рязанскій полкъ не примкнулъ непосредственно ни къ одной изъ этихъ главныхъ группъ, тѣмъ не менѣе, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, надлежало быть въ ежеминутной готовности къ походу.

Близость Риги къ Ингерманландскому корпусу, постепенное усиленіе его свѣжими частями, ради болѣе самостоятельныхъ и рѣшительныхъ операцій, все это, заранѣе уже, намѣчало Финляндію будущимъ театромъ военныхъ дѣйствій полка.¹

Пока, надлежало пользоваться вполне заслуженнымъ отдыхомъ послѣ пережитыхъ тяжелыхъ дней злополучнаго 1711 года. Не много однакожь удобствъ могла доставить Рига. Опустошенный въ 1710 году продолжительной блокадой, бомбардированіемъ, моромъ и голодомъ, городъ представлялъ печальное зрѣлище. Еще въ октябрѣ 1711 года, т. е. почти наканунѣ прибытія полка въ Ригу, писалъ А. Д. Меншиковъ Государю:² „о настоящемъ въ Ригѣ повѣтріи, чаю, Вашей милости уже извѣстно; а вышѣ къ намъ еще изъ Риги Полонскій пишетъ, что въ Динаментъ-

ранцах показалась повѣтренная болѣзнь, а помирають де отъ
полютыя и главной болѣзни, а язвъ не является, только мрутъ
было скоро въ сутки, въ двой и меньше. На многихъ язвы
являются по смерти. И отъ сей опасности, при помощи Божіей,
сколько возможно, надлежащую осторожность имѣемъ и надѣмся
на Его же Божескую милость, либо наступленіемъ зимнихъ воз-
духовъ оная опасность пресѣчется, ибо не малые настають нынѣ
морозы.“

Въ чемъ заключалась осторожность, и насколько повліяли мо-
розы на уменьшеніе эпидеміи, сказать за недостаткомъ точныхъ
данныхъ невозможно, но 130 человекъ умершихъ въ теченіи года,
при списочномъ составѣ полка въ 1250 человекъ, не говорить
въ пользу санитарныхъ условій нашей квартирной стоянки.³ Весьма
вѣроятно, что эти же условія оказали не малое вліяніе и на про-
центъ бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ, число которыхъ, хотя и умень-
шилось сравнительно съ прошлымъ годомъ, но все таки еще пред-
ставляло значительную цифру, 65 человекъ.⁴ На рижскомъ же
кладбищѣ похоронили Рязанцы капитанъ-поручика Федота Обарина,
да поручика Артемія Щитовскаго. Вообще, въ рассматриваемое
время произошли значительныя перемѣны въ составѣ офицеровъ
полка.⁵ Не говоря уже о болѣе младшихъ его чинахъ, полку при-
шлось разстаться съ такими почтенными, старыми, боевыми, това-
рищами какъ: подполковникъ Иванъ Васильевичъ Панинъ, назна-
ченный командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, секундъ-маіоръ
Николай Еремѣевичъ фонъ Тройль, отпущенный въ свою землю
съ абитомъ и капитанъ Гаврила Кислинской, пожалованный
въ секундъ-маіоры въ Конорскаго полка. Въ лицѣ послѣдняго, да
умершихъ—капитана Обарина и поручика Щитовскаго, Рязанцы
лишились сослуживцевъ, раздѣлявшихъ съ полкомъ и радости и горе
тяжелой боевой жизни, чуть ли не съ первыхъ шаговъ его суще-
ствованія. При такой удручающей обстановкѣ проходили мѣсяцы.
Насталъ и 1713 годъ, а все еще не было извѣстно—скоро ли
кончится наше Рижское сидѣніе? Событія войны, тѣмъ временемъ,
ничѣмъ особенно не выдѣлялись. Планы и намѣренія союзниковъ,
при разнородности преслѣдуемыхъ ими цѣлей, вяломъ и нерѣши-
тельномъ исполненіи, не ускоряли, а, напротивъ, затягивали дѣло

Равно мало успѣшны были и самостоятельныя дѣйствія русскихъ въ Финляндіи, т. е. на томъ театрѣ войны, который едва ли не былъ самымъ чувствительнымъ для Швеціи.

Идея войны въ Финляндіи назрѣла у Царя еще въ 1705 году. Сначала выражалась она въ желаніи Государя наступленіемъ съ оборонительной линіи Невы захватить все Финское побережье, что было необходимо для безопасности вновь созданной столицы — Петербурга. Но такія скромныя желанія послѣ разгрома шведской арміи подъ Полтавой и взятія Риги стали уже неумѣстны. Правда, Турція и польскія дѣла отвлекали наши силы, но необходимость серьезныхъ операцій въ Финляндіи ясно сознавалась Государемъ и замѣчательно мѣтко было имъ охарактеризована. „Сіе главное дѣло,“ писалъ Петръ.⁶ „чтобъ въ Финляндіи, какъ возможно, сильныя дѣйства, съ помощью Божіею, оказать и имѣть не для разоренія, а чтобъ овладѣть, хотя она (Финляндія) намъ не нужна вовсе удерживать, но двухъ ради причинъ главнѣйшихъ: первое, было бы что при мирѣ уступить, о которомъ шведы уже явно говорить починаютъ; другое, что сія провинція суть титкою Швеціи, не только, что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Богъ допуститъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ.“ Ради столь важныхъ причинъ, а не простой уже диверсии, чинились большія приготовленія къ открытію весною 1713 года наступательныхъ дѣйствій въ Финляндіи.

Первыя свѣдѣнія о присоединеніи Рязанскаго полка къ Ингерманландскому корпусу находимъ въ письмѣ адмирала Апраксина Государю. „Сего февраля 5 числа,“ доносилъ адмиралъ,⁷ „получилъ я письмо изъ Москвы отъ Господъ Правительствующаго Сената, чтобъ Алартовой дивизіи объявить къ походу на Украину быть во всякой готовности. По отправленіи тѣхъ полковъ, взять сюда изъ Риги два полка: Воронежскій, да Рязанскій, усмотря, ежели рижскому гарнизону пробыть безъ нихъ можно.“⁸ Въ томъ же письмѣ Апраксинъ спрашиваетъ Государя: „ежели изъ Риги будетъ писать ко мнѣ г.-м. Полонскій, что въ Воронежскомъ и Рязанскомъ полкахъ имѣеть онъ нужду, о присылкѣ оныхъ сюда къ намъ писать ли?“. Видно Государь согласился съ мнѣніемъ Сената, такъ какъ, въ первыхъ числахъ марта, полку повелѣно выступить изъ Риги въ С.-Петербургъ.⁹

Нечего говорить, какъ встрѣченъ былъ этотъ приказъ. Приготовленія къ походу не много заняли времени. Матеріальная часть, не смотря на долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ, все еще не была пополнена. Многихъ вещей, положенныхъ по штатамъ не доставало; полковыхъ подъемныхъ лошадей состояло всего 29, что особенно должно было быть чувствительно въ продолжительномъ походѣ.¹⁰ Сдавъ въ Рижскіе госпитали больныхъ, и оставивъ людей для надзираія за ними, всего—2 унтеръ-офицеровъ и 35 капраловъ и рядовыхъ, выступили Рязанцы по назначенію въ командѣ майора л.-гв. Семеновскаго полка Дмитрія Тимонова, который исполнялъ должность бригадира.¹¹

Ранняя весна этого года сильно растворила почву. Съ необыкновенными затрудненіями, почти безъ дорогъ, двигался полкъ къ Новгороду. „Полковъ изъ Риги въ скорости, за распутнымъ временемъ, не чаемъ, понеже стоитъ теплота превеликая и дороги нѣтъ никакой, отъ чего имѣемъ и печаль не малую,“ доносилъ Апраксинъ,¹² „пушки и многіе припасы остановились во многихъ мѣстахъ.“ Совершая походъ при такой обстановкѣ, Рязанскій полкъ въ послѣднихъ числахъ марта былъ уже на мѣстѣ сосредоточенія Ингерманландскаго корпуса—въ С.-Петербургѣ. Туда же, изъ Нарвы, Ладоги и другихъ мѣстъ, спѣшили войска, а 22-го марта къ полкамъ прибылъ Государь.¹³

Наступилъ конецъ проволочкамъ и колебаніямъ черезъ чуръ осторожнаго нашего главнокомандующаго адмирала Апраксина. Работа закипѣла.

Раньше чѣмъ приступить съ описанію событій, въ которыхъ полку пришлось принять самое дѣятельное участіе, коснемся еще разъ его внутреннихъ порядковъ и устройства. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, въ разсматриваемое время, полку впервые пришлось познакомиться съ вновь учрежденными двумя, добавочными, независимыми органами, вѣдающими требованіемъ, раздачею и учетомъ всѣхъ видовъ полковаго довольствія. Органами эти были: оберъ-кригсъ-комисарство и фискалы.

Не смотря на изданіе въ 1711 году точныхъ штатовъ и табелей, служившихъ основаніемъ для соображеній о расходахъ на

войска, не смотря на повелѣніе, дабы съ 1-го января 1712 года „полки годовою ихъ дачею и дополнкою указного числа рекрутами, и мундиромъ, и военными полковыми припасами, и лошадьми исправлены были“, ¹⁴ дѣло подвигалось туго, по крайней мѣрѣ въ нашемъ полку. 22 барабанныхъ чехла, 466 шпагъ, да по 97 паръ чулковъ, рубахъ и башмаковъ, вотъ и все, что поступило въ 1712 году въ полкъ. Не въ лучшемъ положеніи находилось и денежное довольствіе. Такъ напр., злоупотребленія начальниковъ въ корпусѣ Апраксина въ 1712 году оказывали даже замѣтное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Все это вызвало назначеніе, еще въ сентябрѣ прошлаго года, особаго оберъ-кригсъ-комисара, благороднаго господина, Квашнина - Самарина. ¹⁵ Снабженный обстоятельными и черезвычайно широкими регуламентами, оберъ-кригсъ-комисаръ являлся не только контролирующей, но и инстанціей исполнительной, завѣдуя требованіемъ и раздачей вещей и денегъ, заготовленныхъ губернскими комисарами. ¹⁶ Ближайшими его помощниками были въ полкахъ фискалы, которымъ надлежало слѣдить за всякими случаями злоупотребленій и подавать протестаціи, не взирая ни на чинъ, ни на должность виновнаго. Главную обязанность фискала, такъ опредѣляютъ фискальскіе артикулы: ¹⁷ „фискалу обсервовать и всѣми образы развѣдывать, что прилежитъ къ высокому авантажу Его Царскаго Величества, дабы никто не дерзаль повреждать, что прилежитъ къ пожитку Его Царскаго Величества;“ и далѣе: „а ежели вѣдая какую вину на кого, не извѣститъ, а то его молчаніе объявлено будетъ, и въ томъ не токмо честь, но и животъ его потерять можетъ.“ Назначеніе на должность фискала производилось по выбору оберъ-кригсъ-комисара изъ заполочныхъ, „или кто изъ полку похочетъ выбрать, а именно: изъ унтеръ-офицеровъ, изъ прапорщиковъ, и во всякій полкъ употреблять.“ ¹⁸

Первымъ по выбору фискаломъ въ Рязанскій полкъ определенъ прапорщикъ Великолуцкаго полка Иванъ Бубновъ, прапорщикъ же нашего полка, Федотъ Березинъ, на такую же должность переведенъ въ Великолуцкій полкъ. ¹⁹

Такимъ образомъ, почти наканунѣ похода, высшему начальству предложено вовсе не надлежать до полковыхъ заплата, а пол-

новымъ командирамъ въ вопросахъ хозяйства дѣйствовать не иначе, какъ черезъ кригсъ-комисарство. Мѣры эти привели къ желаннымъ результатамъ: установилась строгая отчетность, гласность, а съ ними рамки произвола съузились до мипимума. Не пополняемое въ теченіи продолжительной стоянки на одномъ мѣстѣ, полковое имущество за время тяжелаго военнаго похода въ 1713 году обновилось и дополнилось до указаннаго по табелямъ количества.²⁰ Обстоятельство это имѣло первостепенное значеніе въ такой странѣ, какъ Финляндія, гдѣ недостатокъ въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей войскъ встрѣчался на каждомъ шагу.

Въ высшей степени своеобразная по характеру мѣстность, малолюдная,²¹ съ разореннымъ войною и враждебно настроеннымъ намъ населеніемъ, Финляндія представляетъ исключительный театръ военныхъ дѣйствій. Занятая развѣтвленіями хребта Мансельке, большая часть страны крайне пересѣченная и гористая. Обильные, внутренние водяные бассейны, соединяясь протоками, образуютъ длинныя водяныя линіи на тысячу и болѣе верстъ. Не высокіе, пологіе холмы, съ прекраснымъ обстрѣломъ, представляютъ рядъ оборонительныхъ позицій, непреступныхъ съ фронта. Рельефъ прибрежной полосы менѣе сложенъ и пріобрѣтаетъ даже равнинный характеръ. Зато прибрежная полоса изрѣзана сѣтью рѣкъ, текущихъ перпендикулярно къ береговой линіи Финскаго и Ботническаго заливовъ. Отличаясь большою скоростью теченія, порогами, непроходимостью въ бродъ, рѣки эти раздѣляютъ прибрежную Финляндію на рядъ оборонительныхъ зонъ. Изъ сохранившихся картъ видно, что въ прошломъ столѣтіи сплошные лѣса покрывали всю Финляндію; только небольшіе, прибрежные участки были свободны отъ нихъ. Климатъ страны холодный, нѣсколько болѣе суровый нежели теперь. Въ теченіи длинныхъ 5—6 зимнихъ мѣсяцевъ морозы доходятъ до 30°. Лѣто, съ іюня, самое короткое, при 29 градусной жарѣ, а осенью большое паданіе температуры и обильнѣйшіе дожди. Неудивительно, что грунтовыми дорогами, по которымъ исключительно только можно было двигаться, страна чрезвычайно бѣдна; двигаться было „зѣло тѣсно и каменисто, гористо, лѣсно и зѣло много водъ, и телѣгами ѣхать съ великимъ трудомъ, и зѣло безкормно“, говоритъ современная рекогносцировка.²² Недоста-

токъ и неудобства сухопутныхъ путей, въ связи съ расположеніемъ главныхъ населенныхъ пунктовъ вдоль морского берега, заставили обратить вниманіе на морскіе пути, или фарватеры. Пути эти 2-хъ видовъ: галерный—близъ самаго берега и корабельный. Галерный фарватеръ, но бурнымъ волнамъ котораго въ теченіи многихъ лѣтъ посилились на встрѣчу врагу Рязанскіе баталіоны, достоенъ подробнаго описанія.²³ Начинаясь въ устьѣ Невы, фарватеръ шелъ вдоль южнаго контура острова Котлина, мимо Кронштада и Толбухиной косы, къ мысу Стурсуддену, а затѣмъ, между Березовыми островами и материкомъ, къ Біерке зундъ. Проходя между проливами острововъ, фарватеръ развѣтвлялся, соединяясь опять въ одинъ путь къ сѣверу, недалеко отъ острова Рондо; отсюда же шли: фарватеръ на транзундскій рейдъ, къ Выборгу, и къ мысу Крюссерорту, на с.-з. отъ Рондо. Отъ острововъ Пюткопаси путь вступалъ въ шхеры и, развѣтвляясь, смыкался у острова Мустома.²⁴ Западнѣ этого острова, галеры, на которыхъ обыкновенно совершалось движеніе, шли на острова Курсала, Котку, сѣвернѣ острова Вадогольма, южнѣ Пить-Колоды, между Пелкинскихъ острововъ, откуда нѣсколькими фарватерами къ гельсингфорскому рейду. Къ западу отъ Гельсингфорса фарватеръ мало стѣнялся шхерами и у мыса Паркалаудъ соприкасался съ открытымъ моремъ. Моремъ, вплоть до деревни Твериминда, галеры проходили среди шхеръ и острововъ. Отъ Гангудскаго мыса путь поворачивалъ на с.-з. въ открытое море и затѣмъ раздѣлялся: 1) на Або и далѣе вдоль берега—на г. г. Ништадтъ, Раумо и Торнео; 2) къ острову Карпо, между Аландскими островами къ Алашгафту. „Прошедши же Олоонецъ-гафъ“, говорили рекогносцировки, „пройдешь до Швенскъ шкеръ, до Вакегольму 9 миль, а оттуда до Стокгольма 3 мили“. На протяженіи галернаго фарватера былъ рядъ позицій, числомъ до 15, занимая которыя, шведы легко могли преградить путь галерамъ. До вступленія нашихъ войскъ фарватеръ обставленъ былъ знаками. По плану Государя надлежало: раннею весною, при самомъ взламаниі льда, перебросить моремъ пѣхотный корпусъ отъ Кронштада къ Гельсингфорсу, чинить поискъ, и овладѣть имъ; укрѣпивъ Гельсингфорсъ, ждать прибытія сухимъ путемъ конницы, артиллеріи и обозовъ. Дальнѣйшее наступленіе къ городу Або²⁵

Въ Новгородскомъ уѣздѣ, на рр. Ижорѣ, Лугѣ и въ С.-Петербургѣ шли дѣятельныя работы, не прекращавшіяся даже зимою, но постройкѣ галерныхъ судовъ, а къ началу апрѣля, число ихъ, достаточное для посадки 20 т. десанта, было спущено на воду.²⁶

Назначенный въ десантный отрядъ, Рязанскій полкъ, съ первыхъ же дней прибытія въ С.-Петербургъ, приступилъ къ нагрузкѣ судовъ провіантомъ и фуражемъ; 3-хъ мѣсячная дача фуража для пѣхоты и 2-хъ мѣсячная для конницы, да соли на 4 мѣсяца, нагружена къ концу апрѣля.²⁷ Одновременно производились: оснастка судовъ, росписаніе ихъ по ротамъ и нумерація, да упражненія въ управленіи парусами. Съ половины апрѣля до самого отправленія въ походъ войска почти не сходили съ судовъ.²⁸ Все это, подвигая ходъ работъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовало ознакомленію пѣхотныхъ солдатъ и офицеровъ съ новымъ, необычнымъ для нихъ дѣломъ.

Послѣ 20-го апрѣля Рязанскимъ полкомъ окончательно приняты:—4 скампавей № № 57, 58, 59, 60, одна бригантина—№ 70, 4 карбуса—№ № 57, 58, 59, 60. Считая подъемную силу скампавей въ 150 человѣкъ, бригантины въ 70, а карбуса въ 60—70, всего на 9 судахъ помѣщалось отъ полка 950 строевыхъ чиновъ, раздѣленныхъ на 9 судовыхъ командъ. Команды находились въ вѣденіи нижеслѣдующихъ офицеровъ: 1) командиръ полка, полковникъ Ив. Ив. фонъ Равенштейнъ, 2) подполковникъ, Иванъ Петровичъ Зуморъ, 3) премьеръ-маіоръ, Мих. Ив. Грибоѣдовъ, 4) секундъ-маіоръ, князь Григорій Мышецкій, 5) капитанъ, Михаилъ Анзеръ, 6) капитанъ, Иванъ Кишкаринъ, 7) капитанъ, Григорій Лизинской, 8) капитанъ, Павелъ Робертъ, 9) капитанъ, Алексѣй Вилмасовъ.²⁹

Готовясь къ дѣйствіямъ на морѣ, основывая на нихъ весь успѣхъ похода, великій Царь нашъ долженъ былъ вновь, самостоятельно, создать тактику, касающуюся посадки войскъ на суда, слѣдованія ихъ моремъ, боевой порядокъ и проч. По росписанію, составленному еще въ концѣ марта, весь отрядъ раздѣленъ на три части:³⁰ 1) авангардія подъ предводительствомъ Царя (1 бат. и 5 пѣх. полковъ), 2) коръ-де баталія, или адмиральская эскадра адмирала Апраксинъ (16 пѣхотныхъ полковъ) и 3) аррьергардія.

Послѣднюю, подъ начальствомъ сперва графа Боциса, а потомъ кн. Мих. Мих. Голицына, составилъ полкъ Рязанскій совмѣстно съ полками: Петербургскимъ, Псковскимъ, Азовскимъ и Казанскимъ. Движеніе по фарватеру совершалось на парусахъ, или веслахъ, въ колоннѣ въ одно судно, или же „фрунтомъ, вообразѣ полумѣсяца“. ³¹ Строй указывается сигналами. Во время курса (движенія) днемъ на разстояніи трехъ пушечныхъ выстрѣловъ, а ночью въ одномъ, чтобы заранѣе „вѣдали о непріятелѣ“, слѣдовали скампавеи, прикрытыя съ фронта лодками. „Когда увидятъ непріятеля на берегу, тогда перестать отъ курсу и поднять знамя на концѣ фокъ-рея“, кромѣ того, три пушечныхъ выстрѣла и донесеніе на шлюпкѣ предупреждали главные силы. Провіантскія и аммуничныя суда уходили тогда въ тылъ, гдѣ подъ прикрытьемъ 3-хъ бригантинъ и 3-хъ лодокъ отъ каждой дивизіи формировали отдѣльную колонну. При прохожденіи узкихъ мѣстъ таковыя сначала осматривались лодками, а ночью, при стоянкѣ, вся эскадра охранялась скампавеями, стоящими на якорѣ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Впереди линіи сторожевыхъ скампавей, версть на 5, шныряли лодки, высматривая противника. ³² Для устраненія грабежа и поддержанія порядка назначенъ особый гевальдигеръ, майоръ Стрекаловъ, съ помощникомъ, командою, священникомъ и палачемъ. Виновные немедленно подвергались взысканію. ³³

Что же касается дѣйствій войскъ, то въ инструкціи значились: а) бой на морѣ и преслѣдованіе, б) содѣйствіе сухопутнымъ отрядамъ фланговыми атаками, в) производство десанта только по диспозиціи. Точно сохраняя нумерацію, дабы не перемѣшать частей, суда съ десантомъ, взявъ надлежащіе интервалы, во избѣжаніе порчи весель, приставали къ берегу бокомъ. Изъ 250 человекъ команды полугалеры высаживали только 160 человекъ, скампавеи изъ 150 высаживали 130 человекъ, а бригантины изъ 70—60 человекъ. Послѣ высадки немедленно выстраивался боевой порядокъ, фланги котораго прикрывались гренадерами. ³⁴

Послѣдніе дни проходили въ экзерциціяхъ, по пунктамъ приведенной инструкціи. Но вотъ вскрылась Нева и 26-го апрѣля Рязанцы поплыли изъ Петербурга въ Кронштадъ, гдѣ галеры соединились съ корабельнымъ флотомъ вице-адмирала Крюйса. ³⁵

Въ теченіи 5 дней „за противнымъ вѣтромъ“ стояли на мѣстѣ; свѣдѣній о шведахъ никакихъ не было. 2-го мая корабельный флотъ вышелъ въ открытое море, а одновременно съ нимъ и наши галеры отъ острова Ботлина направили свой путь въ Финляндію.³⁶

Слѣдуя то на веслахъ греблей, то на парусахъ, не только днемъ, но даже и ночью, мы, къ 9-му мая, бросили якоря въ виду гельсингфорскаго рейда, пройдя, такимъ образомъ, разстояніе 348 верстъ въ 7 сутокъ.³⁷

Весь слѣдующій день прошелъ въ ожиданіи прамовъ съ тяжестями, буксируемыхъ галерами, а тѣмъ временемъ производились рекогносцировки.

Но обстановка по прежнему оставалась не выясненною: мы не знали, что шведскія войска генерала Либекера стягиваются къ городу Борго, что Гельсингфорсъ занятъ двумя тысячами гарпизона Армфельда и достаточно укрѣпленъ.³⁸

10-го мая, въ 4 часа пополудни, по данной накупунѣ диспозиціи, снялись суда съ якоря и, слѣдуя по эскадренно: авангардъ съ правой руки, арьергардъ съ лѣвой, а въ серединѣ ордеръ-баталія, стали разворачиваться на гельсингфорскомъ рейдѣ, на пушечный выстрѣлъ отъ восточныхъ укрѣпленій города. Загремѣла канонада. „Но, какъ непріятель жестоко ни противился, галеры заняли указанные имъ мѣста: впереди острова Старкольма—правый флангъ и авангардія, арьергардъ съ Рязанцами противъ гельсингфорской косы“.³⁹ Такое расположеніе, съ островами въ тылу, сильно стѣсняло маневрированіе, по сему Царь передвинулъ флотъ къ югу. Правый флангъ сталъ тогда протявъ гельсингфорской косы, центръ—южнѣе, охватывалъ эту косу, а еще далѣе выстроились галеры арьергарда.⁴⁰ Весь вечеръ прошелъ въ перестрѣлкѣ, а въ полночь рейдъ освѣтился заревомъ пылающаго города.

Гельсингфорсъ лежитъ на полуостровѣ, который со странною соединяется узкимъ перешейкомъ. Городскія постройки находятся въ южной части полуострова, восточная—образуетъ мысъ, а сѣверная сторона не застроена. Длинная, около 3-хъ верстъ, ломанная линія укрѣпленій окружала полуостровъ. Перешеекъ

усиленъ ретраншаментомъ и одна батарея находилась на южной его сторонѣ, а двѣ, перекрестнымъ огнемъ обстрѣливали восточный фронтъ. Изъ города на материкъ вели двѣ дороги: одна къ городу Борго, пересѣкаясь у острова Мусгольма морскимъ протокомъ, черезъ который переброшено было два моста, другая—черезъ юго-западную часть перешейка шла къ вѣркѣ Карисъ и далѣе на Або. Занявъ дефиле у остр. Мусгольма и абоскую дорогу, мы совершенно отрѣзывали гарнизонъ города. Къ несчастію рекогносцировки не выяснили подробностей расположенія противника.⁴¹

Въ ночь съ 10 на 11-го мая рѣшеніемъ военнаго консилиума постановлено произвести на разсвѣтѣ высадку. Роты Рязанскаго полка, да Петербургскій, Великолуцкій, Воронежскій, Архангелогородскій и Гренадерскій полки, высадившись къ ю.-з. отъ города, должны были составить первую линію боеваго порядка и атаковать шведовъ съ тыла.⁴² Съ 3-хъ часовъ пополудни начались передвиженія и къ разсвѣту десантъ благополучно оконченъ. Бодро зашагали Рязанцы къ пылавшему городу, но непріятеля нигдѣ не оказалось. „Генераль Армфельдъ, въ полночь, взялъ ретирату къ Боргоу на соединеніе съ Либекеромъ, бросивъ пушки, аммуницію и много оружія“.⁴³

Шведскіе источники говорятъ, что 10-го мая Армфельдъ оборонялся упорно, что на 3-хъ русскихъ судахъ были перебиты команды, и что десантъ 11-го мая удался, исключительно только, благодаря дѣйствіямъ арьегарда, т. е. той части въ составъ которой входилъ нашъ полкъ.⁴⁴ Свѣдѣнія эти до сихъ поръ ничѣмъ не подтверждаются; только въ дошедшей до насъ табели о состояніи полка къ 31-му мая отмѣчены ранеными: 1 прапорщикъ и 1 рядовой, что безусловно должно быть отнесено къ дѣламъ 10-го или 11-го мая.⁴⁵

Между тѣмъ, захваченные казаками плѣнные дали весьма цѣнные извѣстія. По ихъ словамъ, у Борго находился г. Либекеръ съ 5—8 т., а по присоединеніи Армфельда и враждебныхъ намъ крестьянъ число его войскъ можетъ увеличиться до 10—15 т.

Явилось опасеніе за участь конницы, артиллеріи и обозовъ, слѣдовавшихъ подъ начальствомъ кн. Волконскаго сухимъ путемъ къ Гельсингфорсу. Либекеръ стоялъ на пути движенія этой

колонны. Тотчасъ же собранный совѣтъ рѣшаетъ временно очистить Гельсингфорсъ и повернуть къ Борго на выручку Волконскому. Въ 4 часа пополудни, 11-го мая, галерный флотъ на парусахъ выступилъ съ рейда, а къ вечеру, 12-го числа, Рязанцы входили уже въ устьѣ Боргоскаго залива, пройдя въ 1½ дня 50 верстъ.⁴⁶ Вслѣдъ за нашимъ уходомъ, на гельсингфорскій рейдъ прибыла шведская корабельная эскадра; но, не имѣя возможности слѣдовать по фарватеру, остановилась въ бездѣйствіи.⁴⁷

По прибытіи въ Боргоское устьѣ, въ полку получился приказъ: на 13-го мая готовиться къ бою, выступить въ 3 часа пополудни и слѣдовать водою въ глубь залива къ такому мѣсту, откуда можно наступать сухимъ путемъ; впередъ для выбора мѣста идетъ особый отрядъ; пункты высадокъ обозначаются флагами: для авангарда — синій, коръ-де-баталій — бѣлый и для арьергардіи — красный. Этимъ же приказомъ Рязанскій полкъ назначался въ первую боевую линію, правымъ флангомъ которой командуетъ самъ Царь, центромъ — адмиралъ Апраксинъ, а лѣвымъ генералъ Брюсъ.⁴⁸

Поднявшійся, между тѣмъ, съ вечера сильный вѣтеръ не позволялъ и думать о производствѣ десанта. Но вотъ, 14-го мая, рано утромъ, при тихой погодѣ, стали высаживаться роты на Финляндскій берегъ, въ виду непріятеля, расположившагося на позиціи къ ю.-з. отъ Борго. Группа шведскихъ офицеровъ съ высокой горы внимательно слѣдила за нашими движеніями. Баталія казалась неминуемою. Въ боевомъ порядкѣ наступали Рязанскія роты; — тишина мертвая ничѣмъ не нарушалась; — ни выстрѣла, ни звука. Такъ продвинулись мы къ подошвѣ горы, на которой стояли непріятельскіе всадники, но здѣсь отъ развѣдочныхъ партій узнали, что шведы очистили позицію и потянулись на деревню Мензала.⁴⁹ Дѣлать нечего. Шведы видимо избѣгали боя. Въ теченіи десяти дней оставался полкъ у Борго, а тѣмъ временемъ воинскій консилиумъ рѣшилъ: „сыскавъ мѣсто крѣпкое, сдѣлавъ транжачментъ и положивъ провіантъ и аммуницію, дожидаться конницы, которая идетъ съ пѣхотными обозами отъ Выборга и, случась съ нею, дать непріятелю баталію и Финскою землю овладѣть.“⁵⁰

Такое крѣпкое мѣсто избрано въ 28 верстахъ къ востоку отъ Борго, на островѣ Форсби.⁵¹

Выступивъ 25-го мая, полкъ черезъ два дня былъ уже у Форсби, гдѣ немедленно началась постройка укрѣпленій и выгрузка съ галеръ провіанта.

Кончился морской походъ, галеры оставлены подъ защитою транжаментовъ, а вся пѣхота высажена на берегъ.

31-го мая отбылъ отъ насъ Государь къ корабельному флоту Крюйса, чтобы согласовать будущія его дѣйствія съ сухопутнымъ отрядомъ противъ Гельсингфорса.

Въ такомъ выжидательномъ положеніи провели Рязанцы почти цѣлый мѣсяцъ. Изъ вѣдомости представленной адмираломъ Апраксинымъ видно, что къ тому времени полкъ нашъ состоялъ изъ 1066 человекъ, но изъ нихъ на лицо находилось только 727.⁵³ Не говоря уже о значительномъ некомплектѣ до указнаго числа, 417 человекъ, особенное вниманіе обращаютъ на себя командированные. Отсутствие вѣнчагательныхъ войскъ заставляло выдѣлять изъ строя офицеровъ и нижнихъ чиновъ ради разнообразнѣйшихъ порученій, другой разъ не имѣвшихъ даже никакого отношенія къ полку. Одни больные, оставляемые полкомъ по пути движенія, отрывали большое число людей для надзирашя за ними. И неудивительно, что при продолжительной войнѣ и безпрестанныхъ походахъ людей Рязанскаго полка встрѣчаемъ вездѣ, во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ, отъ Прута до С.-Петербурга. Многие изъ нихъ были для части окончательно потерянными, но, тѣмъ не менѣе, числились по спискамъ. Санитарное состояніе полка за время плаванія въ Финскихъ шхерахъ неблагопріятнымъ названо быть не можетъ. Хотя число больныхъ по вѣдомости составляло 68 человекъ, но всѣ они почти находились при своихъ ротахъ.

Наступившій, между тѣмъ, перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ ничѣмъ особенно не выдѣлялся.⁵³ Но, разъ рѣшили выждать прибытія конницы и обозовъ кн. Волконскаго и затѣмъ только начать наступленіе, надлежало выяснить положеніе, занятое на сушѣ противникомъ, дабы обезпечить это соединеніе. Частныя рекогносцировки доказали, что шведы стоятъ въ 5 миляхъ отъ Борго, занимая его передовыми частями, и, по своей малочисленности, не о наступленіи, а скорѣе объ отступленіи думаютъ.⁵⁴ Адмиралъ Апраксинъ однако, вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій, занимается малой

войною, нападая время от времени на отъѣзжіе шведскіе караулы.⁵⁵ Одно изъ такихъ нападеній, а именно 19-го іюня, совершено Рязанскимъ полкомъ. Планъ дѣйствій полка вполнѣ разъясняется нижеслѣдующимъ указомъ, даннымъ нашему командиру, полковнику, барону фонъ Равенштейну.

„1. По воспріятіи сего“, сказано въ указѣ,⁵⁶ „идти тебѣ съ двумя солдатскими баталіонами, съ довольнымъ числомъ офицеровъ, подъ непріятельскую партію по большой борговской дорогѣ до мельницы—и не дошедши за версту, или за двѣ, послать напередъ казаковъ, которые съ тобою отправлены будутъ, и велѣть развѣдать о непріятелѣ.“

„2. Когда осмотрятъ непріятельскій караулъ и Вамъ дадутъ извѣстіе, тогда Вамъ оба баталіона развестъ по обѣ стороны дороги, въ скрытое мѣсто—одинъ напередъ, другой, отступя сажень на 50 или 100, назадъ. Залечь, и велѣть тѣмъ казакамъ ударить на отъѣзжіи непріятельскій караулъ, и ежели непріятель погонится за казаками, то вцутить между баталіонами и, съ Божіею помощію, на непріятельскихъ людей напасть.“

„3. Буде же въ томъ мѣстѣ, гдѣ о непріятелѣ мы свѣданы, никого нѣтъ, то взявъ вѣдомость отъ тамошнихъ жителей—давнолъ непріятельскіе люди въ томъ мѣстѣ были, въ какомъ сходствѣ и куда отступили, и провѣривъ подлинно—ежели къ Боргоу непріятельскихъ войскъ нѣтъ, послать казаковъ до самаго Боргоу и велѣть провѣдать непріятельскіе войска—далеко ли отъ Боргоу стоятъ, и въ какой силѣ, и далѣ ѣздить не велѣть.“

„И пока возвратятся, самому остаться по сю сторону переправы скрытно, не распуская людей изъ строя, въ добромъ порядкѣ; и какую вѣдомость черезъ казаковъ получишь, съ тѣмъ къ намъ возвратишься у генералитетъ.“

„Впрочемъ поступать, какъ надлежитъ честному и повѣренному командиру, къ лучшему Его Царскаго Величества интересу.“

Указомъ этимъ мы должны ограничиться, такъ какъ о результатахъ нападенія, или вѣрнѣе засады, нигдѣ свѣдѣній не сохранилось. Совокупность однако предпринятыхъ мѣръ приковала вниманіе генерала Либекера къ Боргоу настолько, что, 28-го іюня,

въ лагерь у Форсби, безпрепятственно вступили полковые обозы, артиллерія и конница.⁵⁷

Немедленно тогда приступлено было къ новому распредѣленію флота. Часть судовъ назначена для перевозки провіанта, часть оставлена у Форсби, а 30 бригантинъ, одинъ бомбардирскій галіотъ, 15 лодокъ и 30 шлюпокъ назначены въ боевую часть. Рязанскому полку на этотъ разъ не пришлось участвовать въ морскомъ походѣ. По расчету войскъ,⁵⁸ составленному кн. Голицынымъ и утвержденному адмираломъ Апраксинымъ, полкъ вошелъ въ составъ сухопутнаго отряда, коему надлежало, одновременно съ галернымъ и корабельнымъ флотомъ, подойти къ Гельсингфорсу и овладѣть имъ.⁵⁹

Предназначеніямъ этимъ не суждено было осуществиться: медлительность вице-адмирала Брюйса, размолвка его съ Царемъ, а главное, отъѣздъ Государя въ Петербургъ разстроили, какъ увидимъ впоследствии, весь планъ.

Откладывая со дня на день выступленіе, Апраксинъ, наконецъ, подъ угрозою гнѣва Государя, намѣтилъ оное ца 5-го іюля, о чемъ и извѣстилъ корабельный флотъ.⁶⁰

Первые шаги послѣ продолжительнаго пребыванія у Форсби, такимъ образомъ, не могли обойтись безъ боя, ибо все свѣдѣнія указывали, что шведскіе войска Либекера стоятъ еще на пути нашего наступленія у Борго.

Снявшись въ назначенный день съ лагеря, отрядъ послѣ значительнаго перехода къ вечеру расположился у мельницы, знакомой Рязанцамъ по засадѣ 19-го іюня.

Непроходимая въ бродъ рѣчка Борго отдѣляла насъ отъ шведовъ, которые занимали правый, возвышенный ея берегъ. Единственный мостъ на треть со стороны непріятелиа былъ разрушенъ, и прикривался кромѣ того „небольшимъ траншементомъ, въ которомъ посажено было солдатъ число не малое“.

„Съ утра 6-го іюля“, доносилъ Апраксинъ Государю,⁶⁰ „началась съ обѣихъ сторонъ жестокая стрѣльба; пришла непріятельская вся армія, и стала во фронтъ по рѣкѣ, отъ насъ далѣе фюзейной стрѣльбы, и начала насъ держать“.

Усиленная окопами и батареями шведская позиція допускала въ ярусную оборону: внизу, изъ траншеянта у моста, и изъ построенныхъ надъ нимъ, на высокой горѣ, редута и батареи на два орудія.

Пока происходила ружейная стрѣльба у насъ приступлено къ возведенію трехъ батарей. Къ утру 7-го іюля онѣ были готовы—и какъ поставили пушки, и начали отъ насъ стрѣлять, то неприятель свои пушки снялъ и сдѣлалъ далѣе того мѣста другую батарею, а въ среднемъ редутѣ (на горѣ) оставилъ одну пѣхоту, а изъ нижняго (у моста) съ немалымъ потернѣемъ вывелъ.⁶²

Что неприятель собирается очистить позицію, увозить артиллерию, каждый видѣлъ, но для энергичнаго на него натиска ничего не было сдѣлано. Мы оставались праздными зрителями.

Только 8-го іюля авангарду приказано перейти на правый берегъ Борго. Какъ видно шведскій арьергардъ занималъ еще шанцы у моста, который съ началомъ отступленія былъ подожженъ. Въ этотъ моментъ, Московскаго полка маіоръ Бухольць (Бухалдъ), съ командою (300 ч.), въ составъ которой входила отъ полка рота капитана Ив. Кишварина, бросился къ переправѣ. Пробѣжавъ быстро по перекладинамъ уже горѣвшаго моста, наши молодцы вскочили въ неприятельскія окопы; произошла рукопашная схватка; шведы отступили. Раненый въ свалкѣ маіоръ Бухольць сдалъ команду капитану Кишкарину, который распорядился преслѣдованіемъ неприятеля до прибытія съ гренадерскимъ полкомъ полковника Фамендина (фонъ Менгденъ).⁶³ Вслѣдъ за авангардомъ, но по возстановленному уже мосту, въ тотъ же день, переправились главныя силы отряда. Шведы не спѣшили особенно отступленіемъ. Отойдя около 7-ми верстъ, они остановились было сначала за переправой маленькой рѣчки, а потомъ потянулись къ киркѣ Мензала.

Потери полка при Боргоу 6, 7 и 8-го іюля заключались въ одномъ раненомъ поручикѣ,—фамилія неизвѣстна, что же касается нижнихъ чиновъ, то они показаны общимъ числомъ отъ разныхъ полковъ, а именно: убито 2 рядовыхъ, ранено капраловъ и рядовыхъ 29.⁶⁴

9-го іюля, полкъ, черезъ кирку Сибо, направился къ Гельсингфорсу и на слѣдующій день, пройдя 28 верстъ, подошелъ къ старому городу, въ $10\frac{1}{2}$ верстахъ отъ новаго. Съ моря доносились звуки отдаленной канонады, которая къ полудню вовсе затихла. 12-го числа, оставя на мѣстѣ конницу, двинулись мы къ новому Гельсингфорсу и, при спускѣ съ горы, впервые увидѣли, стоящій на рейдѣ, шведскій флотъ. Дождь ядеръ встрѣтилъ наше появленіе. Облекшись густой завѣсой дыма, шведскія корабли слали одинъ за другимъ выстрѣлы, въ особенности въ моментъ прохожденія нами мостовъ, ведущихъ на полуостровъ, но къ счастью безвредно.⁶⁵ Въ этотъ же день подошелъ и галерный флотъ. Непріятельская эскадра вице-адмирала Лилія, имѣя противъ себя съ фронта наши галеры, съ праваго фланга, всего въ 20-ти верстахъ, флотъ Крюйса, а съ лѣваго—весь сухопутный отрядъ, очутилась въ критическомъ положеніи. Растерявшись, шведы въ добавокъ и разбросались, не уничтожили мостовъ черезъ проливъ. Лилій выставилъ противъ мостовъ 2 суда, 5 оставилъ на рейдѣ, а 7 отправилъ въ моръ, для наблюденія за Крюйсомъ.⁶⁶ Конечно, это облегчило задачу занятія Гельсингфорса. Развернувъ на берегу артиллерію, наши стали громить шведскіе корабли. Минута была въ высшей степени важная. Но Крюйсъ, не будучи на высотѣ даннаго ему порученія, какъ разъ, въ это время, далъ приказъ: корабельному флоту отходить къ Ревелю. Шведы не замедлили воспользоваться столь благополучнымъ для нихъ исходомъ и, снявшись съ якоря, поспѣшно оступили на западъ, къ дер. Тверминде.⁶⁷ Къ вечеру 15-го іюля Гельсингфорсъ былъ окончательно въ нашихъ рукахъ.

Съ этого времени, вплоть до половины августа, полкъ оставался на мѣстѣ, высылая къ сторонѣ непріятели развѣдочныя партіи, укрѣпая Гельсингфорсъ, и подвозя продовольствіе изъ Форсби и С.-Петербурга. 5-го августа прибылъ къ намъ Государь. Бездѣйствіе не было свойственно его огненной натурѣ. Зная о полной беззащитности Або, о томъ что прибрежная дорога на Пиккала-Карись-Ускила открыта (Либекеръ стоялъ у Тавастгуса, конница Армфельда у Сомеро, на серединѣ пути Або-Тавастгусъ), Царь ставитъ вопросъ—нельзя ли захватить Або ранѣе дѣйствій противъ Либекера, который все уклоняется отъ боя? Занятіе этого пункта

галіотъ. Суда эти весною могли составить передовой отрядъ галернаго флота. Такъ предполагалъ по крайней мѣрѣ адмиралъ Апраксинъ, но расчеты его не оправдались.⁷⁰ Зимой 1713—1714 г., Рязанцы, съ Воронежскимъ и гарнизоннымъ Толбухина полками, отправлены для пополненія и отдыха въ С.-Петербургъ, гдѣ составили резервъ Финляндской арміи.⁷¹

Такъ закончился для полка первый морской походъ. Много труда и энергіи, много невзгодъ и всякихъ лишеній потребовалъ онъ. Совокупность неблагопріятныхъ условій не могла не отразиться на общемъ его состояніи. Но въ какой мѣрѣ? вотъ вопросъ, и притомъ не послѣдней важности, разъ имѣемъ дѣло съ такимъ фактомъ, какъ отозваніе Рязанцевъ съ театра военныхъ дѣйствій въ Петербургъ. Архивные матеріалы, достаточно выясняя боевую дѣятельность полка въ рассматриваемый періодъ, мало касаются внутреннихъ распоряжковъ, а безъ нихъ невозможно точное рѣшеніе вопроса. Въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ только полковой документъ, а именно: списки полка за 1713 годъ.⁷² Судя по нимъ, состояніе полка вовсе не было такъ плачевно. Напротивъ, оно было гораздо благопріятнѣе предшествующихъ годовъ: число побѣговъ поразительно уменьшилось, упавъ сразу до 9 человекъ за годъ,—процентъ смертности, хотя еще и былъ значителенъ, но, принявъ во вниманіе весенній походъ отъ Риги къ С.-Петербургу и послѣдующія затѣмъ лишенія, не поражаетъ своей цифрою. Въ общемъ, годовая убыль, всего 120 ч., не могло разорить полка. Причинъ къ отозванію его слѣдовательно надлежитъ искать въ благоразумной распорядительности высшаго военнаго управленія. Какъ извѣстно, тяжелыя раны 1711 года не были залѣчены въ Ригѣ, а безсѣнная затѣмъ почти 6-ти мѣсячная морская служба давала полку право отдыха при условіяхъ болѣе удобныхъ нежели зимняя стоянка въ Гельсингфорсѣ. Результаты подобной заботливости не замедлили сказаться: полкъ окрѣпъ настолько, что уже къ веснѣ 1714 года могъ выступить въ военный походъ и притомъ въ отрядъ, которому предназначалась главная, рѣшительная и вмѣстѣ съ тѣмъ не легкая задача. Что же касается подробностей полковой жизни въ короткій зимній періодъ отъ одного походу къ другому, то свѣдѣній объ этомъ не сохранилось, да и наврядъ ли онѣ могли быть чѣмъ либо замѣчательны. Вновь строящійся

Петербургъ, создаваемый силою генія Петра, не только столицей, но и городомъ въ то время названъ быть не могъ. Громадныя, незастроенныя пустыри, кой гдѣ на болотахъ дома лицъ приближенныхъ къ Царю, казармы, да крѣпостныя склады, вотъ все, что составляло городъ. О благоустройствѣ не было и рѣчи, а отъѣтка въ полковомъ спискѣ, что на улицѣ города, днемъ, убитъ рядовой отъ разбойниковъ, не говорить въ пользу даже безопасной въ немъ жизни.

А военныя дѣйствія, между тѣмъ, въ сосѣдней Финляндіи не прекращались. Медленно, но безостановочно оттѣснялись шведскія войска въ глубь страны и, наконецъ, 19-го февраля, у деревни Лапола потерпѣли крупное пораженіе. Почти вся Финляндія до Баяніи очутилась въ русскихъ рукахъ. Извѣстіе объ этой побѣдѣ получено въ Петербургъ 2-го марта, а на другой день, Рязанцы, въ присутствіи Царя, служили торжественный молебень за дарованную викторію.⁷³ Борьба видимо близилась къ концу. Но Петра I-го не оставляла мысль перенести войну въ самую Швецію, на полуостровъ Скандинавскій. Къ содѣйствію приглашался старинный врагъ Швеціи—Данія, но переговоры съ ней затягивались и повидимому не могли увѣнчаться успѣхомъ. Пришлось рассчитывать только на свои собственныя силы и Великій Царь рѣшаетъ выйти въ морѣ съ однимъ русскимъ флотомъ. Планъ похода 1714 года сводился: 1) къ главнымъ дѣйствіямъ галерами, по избранному еще въ прошломъ году направленію; 2) къ вспомогательнымъ дѣйствіямъ корабельнымъ флотомъ, для пріобрѣтія главной операціи слѣва и 3) къ таковымъ же дѣйствіямъ сухопутныхъ отрядовъ г. Брюса и полк. Шувалова для прикрытія операціи съ права.⁷⁴ Пополнивъ ряды приводомъ рекрутъ и старыхъ солдатъ, преимущественно изъ раскасованныхъ полковъ, всего въ количествѣ 329 человекъ,⁷⁵ 2-хъ баталіонный Рязанскій полкъ росписанъ на галеры, въ десантную и грѣбную команды. Команды эти, кромѣ насъ, составили: гвардія, полки Ингерманландскій и Воронежскій, 5 полковъ дивизіи Вейде и около тысячи моряковъ, всего 12 т.—15 т. человекъ.⁷⁶

Зима 1714 года въ Петербургѣ стояла очень суровая и продолжительная. Нева вскрылась только 21-го апрѣля, а потому и всѣ

распоряженія о спускѣ судовъ, посадкѣ на нихъ полка, отданы не ранѣе 27-го числа. Большой бѣды въ томъ не было. Пропшлогдняя кампанія хорошо ознайомила Рязанцевъ съ необычнымъ для пѣхотинца морскимъ дѣломъ, а существенныхъ измѣненій въ организаціи галернаго флота не произошло. Онъ по прежнему раздѣлялся на три части, названные на этотъ разъ эскадрами. Каждая эскадра подраздѣлялась на три дивизіи, а дивизія состояла изъ 11 скампавей, вооруженныхъ 6, 3 и 2-хъ фунтовыми пушками.⁷⁷ Полковой артиллеріи за то при насъ не было: двѣ пушки и четыре мортирцы съ припасами полкъ сдалъ въ С.-Петербургѣ въ артиллерію.⁷⁸

Вслѣдствіе различныхъ задержекъ только 9-го мая отплыли Рязанцы изъ С.-Петербурга и на другой день были уже на Кроншлотскомъ рейдѣ, сборномъ пунктѣ корабельнаго и галернаго флота.⁷⁹ Простояли мы здѣсь болѣе недѣли. Сплошной ледъ въ Березовыхъ островахъ не допускалъ никакихъ движеній. Только 20 мая началось выступленіе судовъ, но, въ общемъ, продвинулись всего лишь къ сѣверному выходу изъ Березовыхъ острововъ и стали 21-го числа у Транзунда. 31-го мая корабельный флотъ пошелъ къ Варивалдаю, галеры же не двигались: сначала — по причинѣ большаго льда у Транзунда, потомъ, — по приказанію Царя, а послѣ 2-го іюля — за противными вѣтрами.⁸⁰ На такую продолжительную остановку и рядъ приказаній отмѣняющихъ движеніе, какъ говорятъ, главнымъ образомъ, повліяли слухи, что шведскіе и французскіе крейсера хотять захватить Царя на морѣ.⁸¹ Вскорѣ однако долженъ былъ наступить конецъ нашему бездѣйствію. Еще 22-го мая, на консиліумѣ, постановлено: корабельному флоту подъ начальствомъ Царя идти къ Ревелю, а генераламъ направиться въ Финландію, къ Абову; „ежели по сию сторону Абова встрѣтятся непріятельскіе корабли и нашихъ гребныхъ судовъ не пропустятъ, то немедленно дать знать объ этомъ въ Ревель и согласится, какъ лучше дѣлать.“⁸² Для поддержанія „кореспонденціи“ между Ревелемъ и Гельсингфорсомъ назначено нѣсколько мелкихъ судовъ. Въ тихую, ясную погоду, 4-го іюня, за часъ до полуночи, снялся съ якоря корабельный флотъ и пошелъ съ Царемъ къ Ревелю; спустя два часа послѣдовали на галерахъ Рязанцы, держа путь въ шхеры.⁸³ Передъ выступленіемъ сдано полкомъ въ Выборгскій

лазаретъ всего 25 человекъ. Подвигаясь по фарватеру, но уже при самой убійственной погодѣ, которая вдругъ измѣнилась въ худшему, галеры 11-го іюня остановились на гельсингфорскомъ рейдѣ. Отсюда то Апраксинъ послалъ 17-го числа Государю первое чрезвычайной важности извѣстіе, указывающее, что предвидѣнная встрѣча съ непріятельскимъ флотомъ ежели уже не состоялась, то весьма близка. „Въ провіантѣ есть не безъ нужды“, доносилъ онъ,⁸⁴ „по-неже водою отъ Пой-кирки провезти невозможно“. И дѣйствительно, дезертиры сообщали, что 16 шведскихъ линейныхъ кораблей и столько же мелкихъ судовъ находится при урочищѣ „Ангута“, подъ командою адмирала Ватранга и вице-адмирала Лилий. Свѣдѣнія эти если-бы подтвердились, ставили всю операцію въ весьма затруднительное положеніе. Рѣшиться на что нибудь, было необходимо. 19-го іюня выступили галеры изъ Гельсингфорса; въ теченіи 22 и 23 сосредоточивались у Пой-кирки, а 27-го іюня, окончивъ тамъ выгрузку провіанта, и оставивъ часть судовъ для ожидаемой въ подкрѣпленіе пѣхоты князя Голицына, осторожно двинулись къ деревнѣ Тверминде. Въ 6 часовъ утра, 29-го іюня, подплыли Рязанцы къ этой деревнѣ и остановились въ заливѣ, въ 2 миляхъ отъ шведскаго флота.⁸⁵ Дальнѣйшее движеніе было такимъ образомъ преграждено непріателемъ.

Въ юго-западномъ направленіи отъ кирокъ Поя и Тенала выдвигается въ море, въ томъ же ю.-з. направленіи, длинный, до 38 верстѣ, полуостровъ, заканчивающійся мысомъ Гангудскимъ „Hångudd“. Сѣверная часть этого полуострова, до линіи деревень—Санди и Тверминдъ, отдѣлена отъ материка и моря узкими заливами, шхерами и островами, а южная—въ видѣ треугольника, уходитъ въ море, верстѣ на 13. Обѣ части полуострова соединяетъ перешеекъ, шириною около 1200°, образуемый заливами: Норофьердомъ на сѣверо-западѣ и Галльфьердомъ на юго-востокѣ. Главная масса шхеръ и острововъ находится къ юго-востоку отъ Тверминде, западнѣе же этой деревни, приближаясь къ Гангуду, шхеры уменьшаются и между ними, вблизи берега, тянется узкая, около 1/2 версты шириною, полоса—настоящій галерный фарватеръ. На этомъ фарватерѣ, между Гангудскимъ мысомъ и островомъ „Ruiner“, находится открытое мѣсто, окруженное съ сѣверо запада материкомъ, а съ остальныхъ, по дугѣ, шхерами и островами: Ruiner, Ryssö, Ке-

borne, Ryssön, Hogskär и друг. На образовавшемся такимъ образомъ рейдѣ стоялъ шведскій флотъ лѣвымъ флангомъ къ берегу, у острова Maraska, а правымъ—у острова Ryssön; всего: 14 кораблей, 4 фрегата, 2 креера, 2 бомбардирскихъ корабля, 3 шнавы, 2 флейта и 6 галеръ. Кромѣ фарватера, удобными входами на рейдѣ могли еще служить: продолженіе его, между Гангудскимъ мысомъ и островами Tullholm и Högskär, водяная полоса въ юго-западномъ направленіи, къ сторонѣ Датерсута и открытое пространство, шириною 61 верстъ, въ ю.-з. направленіи, ведущее къ Ревелю, или же, въ обходъ шхеръ, къ Паркалауду и Гельсингфорсу, т. е. въ тылъ нашимъ галерамъ, вытянувшимся по дугѣ—отъ деревни Тверминде до острова Кириндарь.⁸⁶ Изъ этого видно, что шведскій флотъ по отношенію къ намъ занималъ центральное положеніе, способствующее быстрой переброскѣ судовъ и преграждающее движеніе по фарватеру. Произведенныя въ теченіи 30-го іюня 1 и 2-го іюля рекогносцировки привели къ заключенію, что къ шведамъ „за малую милю пройти можно“, но дальнѣйшій ходъ немислимъ. „Пройти намъ до Абова, близъ береговъ, ни по которому образу не мочно“, писалъ Апраксинъ Государю,⁸⁷ „развѣ повелишь идти самымъ моремъ, мимо всей линіи непріятельской, и того, ежели тихой погоды не будетъ, учинить не чаемъ.“ Далѣе Апраксинъ высказываетъ сердечное желаніе, дабы Государь лично прибылъ изъ Ревеля „насъ просвѣтить и непріятельскій флотъ осмотрѣть“, а въ крайнемъ случаѣ прислалъ бы указъ, что дѣлать? Встревоженный такимъ донесеніемъ, Царь, 18-го іюля, выѣхалъ изъ Ревеля, а 20-го числа въ 8 часовъ утра, былъ уже среди насъ, на галерномъ флотѣ.⁸⁸ Еще до прибытья Государя, а именно 10-го іюля, присоединилась къ намъ пѣхота кн. Голицына и послѣдовало окончательное распредѣленіе войскъ по эскадрамъ. Рязанскій полкъ въ полдень 2-хъ баталіонномъ составѣ причисленъ къ корь-де-баталіи, которая подъ начальствомъ адмирала Апраксина и г.-м. Бутурлина состояла изъ 11 баталіоновъ.⁸⁹ Осмотрѣвъ 21 и 22-го іюля расположеніе шведовъ, какъ съ морской, такъ и съ сухопутной сторонъ, Государь нашелъ возможнымъ обходъ противника съ сухого пути, перетавивъ для этого скампаеи съ южнаго берега Гангудскаго полуострова на сѣверный. Обрекогносцировавъ еще разъ 23 и 24-го числа полуостровъ, Петръ Великій окончательно избралъ линію, ко-

горя имѣла 1170° трехъ аршинныхъ, отъ Тверминдскаго залива ю другого, который по восточную сторону Ангута.⁹⁰ Тотчасъ же, 23-го іюля, данъ указъ: командировать рабочихъ для рубки дровъ на доски и для сжиганія угля, котораго приказано заготовить по 50 четвертей на полкъ. Строющийся изъ 2-хъ частей помостъ, по 400° каждая, состоялъ изъ 4-хъ паралельныхъ лежней съ накатникомъ изъ бревенъ. На такой мостовой настилкѣ суда имѣли быть перетаскиваемы на санихъ. Какъ ни старались скрыть работы, но было это очень трудно. Въ воскресенье, 25-го іюля, около полудня, послышалась сильная стрѣльба, а затѣмъ шведскій вице-адмиралъ Лилій въ 14 парусовъ вышелъ въ море. Недоумѣніе охватило всѣхъ: можетъ быть это салютаціонная пальба, а можетъ и начало атаки, или движеніе къ Ревелю? Въ обоихъ этихъ случаяхъ опасность была велика, но въ особенности при атакѣ галеръ „попееже онѣ зѣло въ опасномъ мѣстѣ стояли, попееже былъ одинъ выходъ, который бы легко могъ захватить.“⁹² Дабы выяснитъ обстановку, Государь съ 35 галерами, на которыхъ находились и Рязанцы, направился къ островамъ, ближайшимъ къ непріятелю и, взойдя на вышку корабля, высматривалъ расположеніе противника. Оказалось, что Ватрангъ съ 6 липейными кораблями и 3 фрегатами стоитъ по прежнему на якорѣ, а двигается только часть флота къ зюйдъ-остъ. И дѣйствительно. Ватрангъ, замѣтивъ наши работы, сталъ демонстрировать; для чего избралъ оба фланга на мѣченной Царемъ переволоки; часть эскадры вице-адмирала Лиліи пошла къ ю.-з., въ обходъ галеръ у Тверминде, другая—вице-адмирала Эрншильда къ Nogg-Fjärden, т. е. къ с.-з. выходу переволоки; главные силы оставались на позиціи.⁹³

Исполняя маневръ, Лилій, 26-го іюля, вышелъ изъ шхеръ, намѣреваясь повидимому запереть въ узкомъ мѣстѣ и уничтожить наши галеры. Но развѣ могъ удастся шведскій планъ, когда съ нами былъ Великій Царь Россіи? Немедленно данъ приказъ: всему флоту выходить изъ узкаго мѣста. Какъ разъ, въ это же время, вѣтеръ упалъ и наступилъ полный штиль, гибельный для громадскихъ непріятельскихъ кораблей. Пользуясь погодою и разброскою силъ шведовъ, Царь рѣшаетъ прорывъ. Эрншильдъ былъ далеко и Ватрангъ не могъ воспользоваться его галерами. Для прорыва назначено сперва 20 передовыхъ скамповъ. Завидя наше движеніе,

шведы засуетились; посыпался цѣлый дождь ядеръ; буксировка ихъ кораблей шлюпками и ботами; но все напрасно. 20 скампавей прошли, а за ними еще 15. На адмиральскомъ кораблѣ показался бѣлый флагъ, — сигналъ Лилію возвращаться назадъ. Но было уже поздно. Изъ обходящихъ, шведы очутились обойденными. Теперь, оставалось только бросить главные силы скампавей. Между тѣмъ, наступавшая ночь, устранивъ возможность боя, не прекратила передвиженій нашихъ галеръ.

Но вотъ взошло солнце 27-го іюля и своими яркими лучами освѣтило картину кроваваго боя.

Съ утра вице-адмиралъ Лилій медленно подвигался на сигналы къ Гангуду, Ватрангъ же шелъ къ своему правому флангу. Такимъ движеніемъ открывался галерный фарватеръ. Въ это время главные силы скампавей находились уже на линіи сторожевыхъ судовъ и Царь, замѣтя новую ошибку шведовъ, немедленно ею воспользовался. Черезъ часъ послѣ разсвѣта, галеры, стройно какъ на ученіи, подъ градомъ пуль и картечи, тронулись впередъ: въ авангардѣ генералъ Вейде, за нимъ Рязанцы въ корѣ-де-баталиі. Около полудня прорывъ вполнѣ былъ законченъ.⁹⁴ Теперь оставалось только уничтожить эскадру Эрншильда, которая, вслѣдствіе неудачи обхода, уединенно отъ своихъ главныхъ силъ, расположилась по восточной линіи, примкнувъ флангомъ къ сушѣ, а тыломъ къ острову Storön.⁹⁵ Въ центрѣ стоялъ 18-ти пушечный фрегатъ „Елефантъ“, по сторонамъ его 6 галеръ, во второй линіи три шхербота.⁹⁶ Эскадра эта еще до прорыва главныхъ силъ была блокирована передовыми скампавеями. Слѣдуетъ покончить съ ней слѣдовало во что бы то ни стало. Поэтому то у насъ и диспозиціи для боя въ тѣсномъ смыслѣ отдано не было, самое же построеніе въ боевой порядокъ произошло такъ: на походѣ, обыкновенно впереди, слѣдовали особыя скампавей, которые, въ моментъ встрѣчи съ противникомъ, превращались въ передовой отрядъ, постепенно усиливаясь судами второй линіи. Тоже самое произошло и 25-го іюля, когда въ переводой отрядъ вошли суда всѣхъ эскадръ. Получилась сборная команда изъ лучшихъ судовъ, людей и офицеровъ. Когда, 27-го іюля, успѣшность прорыва обозначилась, этими судами воспользовались, какъ передовой частью. Тѣсно, въ центрѣ

въ одну линію, а на флапгахъ въ колоннѣ, стали суда авангарда, корь-де-баталіи и арьбергардіи, объединяясь только общимъ начальникомъ, генераль-лейтенантомъ Вейде. Что же касается количества людей Рязанскаго полка, вошедшихъ въ эту сборную команду, видно, что живыхъ осталось послѣ боя 304 человекъ, присоединивъ къ нимъ потери этого дня получимъ 350 человекъ Рязанцевъ, участвующихъ на штурмѣ, т. е. одинъ 4-хъ ротный баталіонъ. Такъ значитъ въ дѣлахъ Апраксина.⁹⁷ По „вѣдѣнію“ же г.-м. Ивана Бутурлина о числѣ чиновъ корь-де-баталіи, бывшихъ на штурмѣ, видно, что отъ Рязанскаго полка непосредственно въ бою приняли участие:⁹⁸ капитанъ 1, поручика 2, подпоручикъ 1, прапорщика 2, каптенармусъ 1, капраловъ 7, рядовыхъ 196, барабанщиковъ 4, фельдшеръ 1,—всего 216 человекъ. Составъ этотъ позволяетъ опредѣлить и число скампавей въ полку, а именно отъ 2—3.

Окруженному со всѣхъ сторонъ Эрншильду въ послѣдній разъ предложено было сдаться, а когда онъ отвергъ это требованіе, въ 3 часа по полудни, на мачтѣ адмиральской скампавей взвился синій флагъ и раздался пушечный выстрѣлъ. О маневрѣ и поддержкѣ тыловыми скампавеями не могло быть и рѣчи за недостаткомъ мѣста. Подъ жестокимъ огнемъ, два раза наши скампавей подходили къ противнику, но были отбиты. Наконецъ, въ третій разъ, охвативъ фланги шведскихъ кораблей, двинулись Рязанцы на абордажъ. Въ тѣсномъ заливѣ, подъ напоромъ столпившихся въ одну сторону людей, легкія скампавей опрокидывались; шведы дрались храбро; но насъ, лично предводимыхъ Царемъ, ничто остановить не могло.

„Во истину“, отмѣчено въ журналѣ,⁹⁹ „нельзя описать мужества нашихъ, какъ начальниковъ, такъ и рядовыхъ, понеже абординваніе, такъ жестоко чинено, что отъ непріятельскихъ пушекъ нѣсколько солдатъ не ядрами и картечами, а духомъ пороховымъ отъ пушекъ разорвало“.

Во главѣ съ своимъ командиромъ, въ рукопашной схваткѣ, упорно дрались Рязанцы за обладаніе фрегатомъ. Ни одно судно безъ абординванія не отдавалось. Бой длился въ теченіи 2-хъ часовъ. Палъ геройскою смертію доблестный нашъ командиръ полка, полковникъ, Ив. Ив. Равенштейнъ, а рядомъ съ нимъ старый Ря-

занець, поручикъ, Иванъ Ленертъ. 16 рядовыхъ и 3 капрала убитыми, да 24 нижнихъ чиновъ ранеными легли на палубѣ взятаго наконецъ фрегата.¹⁰⁰ Раненый прапорщикъ, Василий Караваевъ особенно отличившійся на штурмѣ, произведенъ тутъ же, на мѣстѣ боя, Великимъ Царемъ въ подпоручики.¹⁰¹ Трофеями достопамятнаго дня были: одинъ фрегатъ (18 пушекъ), 6 галеръ (84 пушекъ) и шхербота (14 пушекъ); въ пѣнь взяты: вице-адмиралъ Эрнeshильдъ 27 офицеровъ и 913 нижнихъ чиновъ.¹⁰²

На завтрашній день засвѣжелъ вѣтеръ и Ватрангъ съ остатками флота поспѣшно уходилъ на западъ. Путь для насъ теперь былъ совершенно свободенъ. 30-го юля выстроились въ указанномъ порядкѣ галеры и въ виду взятыхъ шведскихъ судовъ принесено благодарственное Всевышнему молебствіе. Салютаціонный громъ пушекъ и ружей, на этотъ разъ не изрыгающихъ смерти, разнесся далекимъ эхомъ по волнамъ Балтійскаго моря.

Между тѣмъ, за смертью командира полка временное командованіе принялъ подполковникъ Кашперъ Кашперовъ фонъ Фосъ; отъ него уже, въ теченіи 3-хъ дневной остановки на мѣстѣ боя, получались приказанія по исправленію поврежденій и приведенію въ порядокъ разстроенныхъ ротъ. Наконецъ, 1-го августа, сдавъ раненыхъ и больныхъ, всего 49 человекъ, на взятыхъ шведскихъ суда, для отправленія ихъ въ Гельсингфорсъ, полкъ поплылъ въ Або и прибылъ туда 3-го числа.¹⁰³ У Або не долго оставались, ибо уже 5-го августа, при вѣтрѣ „ненарочисто сильномъ“, направились Рязанцы къ „Аланту“. Слѣдуя на острова: Нагу, Лигима, Курка и Виткіе, къ вечеру, 8-го августа, подошли они къ Аландскимъ островамъ.

Дальнѣйшее движеніе продолжалось среди острововъ Аландскаго архипелага и, 11-го числа, пройдя заливъ Лумнаръ-зундъ, галеры бросили якоря.¹⁰⁴ Занятіе Аландскихъ острововъ навело ужасъ на Швецію, ибо они находятся всего въ 15 миляхъ отъ Стокгольма. Но пора же было намъ и отдохнуть послѣ продолжительнаго морского странствованія. Высаженные на берегъ команды занялись пріисканіемъ провіанта и другихъ припасовъ, а затѣмъ распределеніемъ добытаго реквизиціею по эскадрамъ. Къ этому же времени, т. е. къ 14-му августа, потребованы отъ полковъ вѣдомо-

сти о наличномъ ихъ составѣ и расходѣ людей. Свѣдѣнія эти весьма драгоцѣнны по своему содержанию.¹⁰⁶ Изъ 1152 ч. офицеровъ и солдатъ, числящихся по списку, состояло всего въ полку на лицо: 22 штабъ и оберъ-офицеровъ, 22 унтеръ-офицеровъ и 646 рядовыхъ, раздѣленныхъ на два баталіона; однихъ больныхъ и оставленныхъ для надзираія за ними числилось 420 ч. т. е. одна треть полнаго состава. Нельзя сказать, что бы на такое ослабленіе строя не обращалось должнаго вниманія; напротивъ; указъ Великаго Государя отъ 20-го іюля,¹⁰⁷ кромѣ установленныхъ вычетовъ на медикаменты изъ жалованія служащихъ, весьма точно опредѣлялъ обязанности медиковъ и войсковыхъ начальниковъ по отношенію къ заболѣвающимъ солдатамъ. Такъ, больные, которые не могли идти въ походъ, непременно отправлялись въ госпитали, а роспись ихъ должна была быть во всякое время на рукахъ у полковника, или у адъютанта, для провѣрки. На обязанности главныхъ начальниковъ лежала забота о снабженіи медиковъ всѣмъ необходимымъ и объ улучшеніи быта больныхъ. Въ случаѣ большого ихъ числа, для надзираія отъ полка оставлялся прапорщикъ, главная обязанность котораго заключалась „въ надсмотриваніи, чтобы тѣ солдаты и пищею и всѣмъ довольны были, и осмтрѣны-бъ часто были черезъ лѣкарей“. Тотъ же прапорщикъ смотрѣлъ за „лѣкарами, чтобы не лѣнились и свое бѣ дѣло управляли, а потомъ, какъ тѣ немощны вылѣчены будутъ, тотъ-жебъ прапорщикъ ихъ въ полкъ привезъ“. Кромѣ госпитальнаго лѣченія указъ повелѣвалъ, „дабы лѣкаръ-майоръ всякаго полку выбиралъ бы изъ всякой роты по солдату т. е. ротныхъ фельдщеровъ, которымъ давать двойное жалованіе, и тѣхъ солдатъ научить брить, пластыри прикладывать, а иной бы службы не дѣлали“. Не всѣ предписанія, конечно, въ одинаковой степени выполнялись, надзоръ строгій былъ мало возможенъ, а суровыя условія морскаго похода, увеличивая число больныхъ, вовсе не способствовали улучшенію ихъ быта. Поэтому то мы же часто встрѣчаемъ донесенія о присоединеніи къ полку выздоравливающихъ больныхъ. Но и обстановка же была исключительная.

Между тѣмъ, собранному на Аландѣ изъ высшихъ начальниковъ совѣту предложенъ вопросъ — что далѣе дѣлать? Послѣ двухдневныхъ разсужденій постановлено: галерному флоту чинить поиски

по восточному побережью Ботническаго залива въ связи съ сухопутнымъ отрядомъ генерала Брюса и окончательно вытѣснiti шведскіе войска изъ Фипляндіи, за рѣку Торное.¹⁰⁸ 15-го августа вечеромъ, громовымъ ура провожали Рязанцы отъѣзжающаго въ Петербургъ Царя, а сами, все таки еще, простояли у Аландскихъ острововъ около недѣли, давая тѣмъ возможность отряду Брюса выдвинуться къ Христіанштадту.¹⁰⁹ Наконецъ, 22-го августа, исполняя указъ Государя, галеры взяли курсъ къ городу Вазы. Здѣсь шхерный путь идетъ почти все время открытымъ моремъ; рѣдкіе острова лишаютъ возможности часто приставать къ берегу, а множество подводныхъ и видимыхъ камней дѣлаютъ плаваніе опаснымъ даже въ хорошую погоду,—а она то намъ, какъ разъ не благоприятствовала. Сильные все время вѣтры разразились 28-го августа жестокимъ штормомъ, повредившимъ многіе скампавей; часть ихъ пришлось для починки оставить у Баренбурга, остальные же, съ большимъ трудомъ, прибыли 4-го сентября въ Христіанштадтъ. Въ городѣ этомъ однако отряда г. Брюса мы не застали,—онъ еще не успѣлъ подойти туда, а съ нимъ не прибыли и продовольственные запасы, на что рассчитывалъ галерный флотъ. Простоявъ у Христіанштадта три дня, 7-го сентября, продолжалъ полкъ свой путь къ Вазамъ.¹¹⁰

Непріятеля нигдѣ не было видно, но, по свѣдѣніямъ, кавалерія его около 600 ч., находилась въ приморскомъ мѣстечкѣ Нью-Карлеби, а отрядъ г.-м. Армфельда у Брагештадта.¹¹¹ Отъ Вазъ, послѣ суточной остановки, съ 10 на 11-го сентября, большая часть полка, въ главныхъ силахъ галернаго флота, выступила къ Нью-Карлеби; а отдѣльная команда, съ прапорщиками Дюрбеневымъ и Вылузгинымъ, въ отрядѣ изъ 9 скампавей, подъ начальствомъ г.-м. Головина, черезъ проливъ Кваркенъ, направилась въ Швецію, „для обсерваціи пути и сысканія лоцмановъ“.¹¹² Ожидаемаго столкновенія съ противникомъ у Нью-Карлеби, куда полкъ прибылъ 13-го сентября, не послѣдовало—шведы бѣжали въ Брагештадту. Такъ какъ отрядъ Брюса въ то время только еще подходилъ къ Вазамъ, а свѣдѣнія, добытыя отъ жителей, говорили о полномъ разстройствѣ шведскихъ войскъ, то не оставалось ничего болѣе, какъ подумать о зимовыхъ квартирахъ. Финляндская осень вступила уже въ полные права,

Плаваніе становилось съ каждымъ днемъ опаснѣе. Задержанныя погодою до 18-го сентября, галеры наши наконецъ выступили 20-го числа остановились у острововъ Варю, въ 35 верстахъ отъ Вазъ. Между тѣмъ, успокоившіеся было вѣтры вновь разбушевались съ страшною силою. Терпя неслыханныя лишенія, при жестокой стужѣ, безъ пищи, поплыли Рязанцы къ Христианштадту. Ясъ этотъ превзошелъ всѣ испытанныя до сихъ поръ бѣдствія. Достигнутые въ пути штормомъ, „съ великимъ страхомъ и немалымъ убыткомъ дошли до острововъ, которые называются Шхелмъ-херы—не дошедъ Кристианштата за 4 мили, гдѣ для исправленія судовъ и за жестокимъ вѣтромъ умедлили 3 дня; потомъ, съ великимъ трудомъ и опасностью, 5-го октября, прибыли въ островъ Рефсе, гдѣ за противною погодою принуждены умедлить 10 дней.“¹¹³

Когда, такимъ образомъ, главная часть полка подвергалась столь тяжелымъ испытаніямъ, отдѣленная отъ него команда въ отрядѣ Головина испытывала не менѣе. Только слава вступленія первыми изъ русскихъ на искони враждебный намъ берегъ Скандинавіи могла заставить такъ геройски переносить невзгоды. Высадившись на шведскій берегъ, г.-м. Головинъ направилъ насъ (800 ч.) къ мѣстечку Умо (Умео), „гдѣ обрѣтался шведскій генералъ Рамсо съ нѣсколькимъ числомъ войскъ“. Завидя наступленіе, непріятель, „не мало стоявъ, пометавъ многіе кафтаны и ранцы, разбѣжался по лѣсамъ, и жители того мѣстечка всѣ были выгнаны вонъ.“¹¹⁴ Захвативъ съ собою нѣсколько лоцмановъ, двинулись мы въ обратный путь, выдержавъ жестокую бурю въ Финскихъ шхерахъ. Съ потерю судовъ присоединился Головинъ къ главнымъ силамъ галернаго флота 15-го октября. 12 человекъ Рязанцевъ, патронные ящики, много боевыхъ припасовъ и полковыхъ вещей поглотило въ эти ужасные дни Балтійское море.¹¹⁵ Дождавшись способнаго вѣтру, 16-го октября, галеры продолжали путь и дошли до острововъ Лавшеръ, при которыхъ ненастная погода опять задержала галеры на два дня. 27-го октября вступилъ полкъ въ мѣстечко Роумо, а затѣмъ, потерявъ въ пути еще два суда, подошелъ, 29-го числа, къ г. Ништадту на зимовыя квартиры.¹¹⁶

Достославная кампанія 1714 года была окончена. Служба и не малыя лишенія достойно оцѣнены Великимъ Царемъ, который, за Гангудскую побѣду, въ Сенатѣ, объявленъ вице-адмираломъ. Всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка награждены золотыми медалями, „каждый по пропорціи своего чина,“ а рядовые серебрянными медалями и деньгами.¹¹⁷ Цѣною не малыхъ жертвъ достались онѣ Рязанцамъ: 21 убитыхъ, въ томъ числѣ командиръ полка, 25—раненыхъ, 12 человекъ похитило море и 221 ч. сложили кости свои на длинномъ пути отъ С.-Петербурга къ Нью-Карлеби и Умео, вслѣдствіе невзгодъ и тягостей похода.¹¹⁸

Вѣчная память!—погибшимъ за Царя и Россію героямъ. Для насъ-же, наследниковъ ихъ славы, достойный примѣръ исполненія служебнаго долга.
